Ю. И. Морозовъ.

О ГОРОДИЩАХЪ

ХАРЬКОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія М. Зильберберг и С-вья.

Рыбная улица, домъ № 30-й.

1901.

Памяти Ю. И. Морозова.

(Рѣчь Д. И. Багалѣя, сказанная въ засѣданіи Предварительнаго Комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ).

„Едва только сформировалось мѣстное отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству XII-го археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, какъ уже приходится отмѣчать печальный фактъ смерти одного изъ его членовъ — проф. *Юрія Ивановича Морозова*. Покойный профессоръ не успѣлъ поработать для комитета и будущаго съѣзда, потому что въ моментъ избранія своего въ его члены былъ прикованъ тяжкимъ недугомъ къ одру болѣзни, которая вскорѣ и свела его въ могилу. Но признательная память о немъ должна сохраниться въ томъ учрежденіи, которое подготовляетъ археологическій съѣздъ въ Харьковѣ, потому что онъ немало потрудился на пользу археологіи Харьковскаго края. Можно сказать, что онъ былъ нашимъ предшественникомъ, милостивые государи, и долгое время единственнымъ представителемъ Харькова и Харьковскаго университета въ русской археологической наукѣ и на археологическихъ съѣздахъ. Харьковскій университетъ и городъ Харьковъ никогда не были богаты дѣятелями археологіи. Въ ихъ историческомъ прошломъ мы можемъ отмѣтить только четырехъ лицъ, интересовавшихся вещественными памятниками старины—профессора русской словесности перваго десятилѣтія XIX в. И. С. Рижскаго, извѣстнаго Вадима Пассека, профессора геологіи Борисяка и недавно скончавшагося проф. физической географіи Ю. И. Морозова. Правда и Ю. И. Морозовъ, подобно двумъ своимъ предшественникамъ, занимался археологіей, такъ сказать, попутно, между прочимъ. Но всетаки онъ кое что сдѣлалъ для нея и это немногое, при общей скудости Харьковской археологической нивы, должно быть отмѣчено съ чувствомъ благодарности къ его безкорыстному и одинокому труду. Одиночество въ научной работѣ вообще и въ особенности въ такой области, какъ археологія, требующая, кол-

лективныхъ усилій для добыванія вещественныхъ памятниковъ и какъ результата ихъ—музеевъ,—всегда отражается крайне неблагопріятно на результатахъ дѣятельности и при оцѣнки ея всегда должно быть принимаемо во вниманіе въ интересахъ элементарной справедливости. Нельзя игнорировать его и въ отношеніи къ Ю. И. Морозову.

Въ Харьковскомъ университетѣ не было музея древностей—и Ю. И. Морозовъ самъ явился собирателемъ вещественныхъ памятниковъ южнорусской старины. Долгіе годы онъ былъ единственнымъ человѣкомъ въ Харьковѣ, который интересовался ими съ научной точки зрѣнія, собиралъ ихъ и затѣмъ одну часть самъ передалъ въ географическій кабинетъ Императорскаго Харьковскаго университета, а другая передана нашему предварительному комитету его вдовой Натальей Леонтьевной, которой я предлагаю выразить за это отъ лица комитета глубокую признательность. Самая коллекція предлагается вниманію членовъ комитета. По моему мнѣнію, и эту коллекцію и ту, которая была передана покойнымъ Ю. И. Морозовымъ въ географическій кабинетъ, слѣдовало-бы сосредоточить въ музеѣ древностей и изящныхъ искусствъ и я предлагаю ходатайствовать о такомъ переводѣ коллекцій Ю. И. Морозова изъ одного учебновспомогательнаго учрежденія въ другое передъ правленіемъ университета, въ виду того, что теперь формируется при музеѣ особое отдѣленіе мѣстныхъ древностей. Замѣтимъ кстати, что вдовою покойнаго пожертвовано въ различныя учрежденія Харьковскаго университета коллекція собранныхъ имъ монетъ и медалей, архивныхъ документовъ и печатныхъ археологическихъ изданій. Среди рукописей заслуживаетъ вниманія маленькій, но тщательно исполненный альбомъ каменныхъ бабъ Изюмскаго уѣзда Харьковской губерніи.

Нѣтъ сомнѣнія, что влеченіе къ археологіи было сильно развито (а можетъ быть и создано) въ Ю. И. Морозовѣ Тифлисскимъ археологическимъ съѣздомъ, куда онъ ѣздилъ въ качествѣ депутата отъ Харьковскаго университета. На Ю. И. оказалось такое-же вліяніе съѣздовъ, какое испытывали и многіе изъ насъ, кому посчастливилось въ нихъ участвовать.

Въ Харьковѣ Ю. И. Морозовъ не могъ не обратить вниманія на мѣстныя древности, тѣмъ болѣе что у него, несмотря на спеціально естественно-историческую подготовку, всегда былъ вкусъ и влеченіе къ изученію мѣстной исторіи и старины. И вотъ онъ задается мыслью изслѣдовать городища Харьковской губерніи, которыя безъ сомнѣнія заслуживаютъ вниманія русскихъ археологовъ и историковъ, читаетъ сообщеніе о нихъ въ 1881 году въ засѣданіи историко-филологическаго

общества и затѣмъ печатаетъ его въ Харьк. губ. вѣд. (№ 43 и 45) и отдѣльною брошюрой. Здѣсь онъ касается вопроса о происхожденіи городищъ и городковъ, какъ его трактовали въ русской исторической литературѣ, дѣлаетъ перечень Харьковскихъ городищъ на основаніи труда преосв. Филарета, при чемъ пополняетъ этотъ списокъ сѣверскимъ городищемъ, даетъ болѣе подробное описаніе двухъ ближайшихъ къ Харькову—Хорошевскаго и Донецкаго—на основаніи личнаго осмотра и измѣренія. Не можемъ не привести здѣсь конца его статьи, въ которой Ю. И. высказываетъ рядъ пожеланій по части изслѣдованія мѣстныхъ древностей.

„Въ виду постепеннаго разрушенія нашихъ городищъ отъ дѣйствія рѣкъ, дождевой воды и распахиванія подъ хлѣбные посѣвы, при чемъ обнаруживающіеся археологическіе предметы исчезаютъ для исторіи нашего края, намъ слѣдовало бы принять какія-либо мѣры для изслѣдованія по крайней мѣрѣ того, что еще сохранилось въ земляныхъ насыпяхъ. Пусть централизируютъ что другое, но наши древности должны принадлежать намъ, а не кому другому, и находиться въ нашемъ музеѣ, для котораго мы лично уже собрали небольшой вкладъ изъ предметовъ, отчасти здѣсь упомянутыхъ. Другіе предметы переданы намъ профессорами П. Ф. Леваковскимъ и И. П. Щелковымъ. Нужно содѣйствіе и сочувствіе многихъ, которыхъ мы и желали-бы вызвать этимъ очеркомъ, имѣя уже вещественныя доказательства въ пользу того, что насъ не постигнетъ участь „гласа вопіющаго въ пустынѣ“. Пора подумать намъ о составленіи Харьковскаго археологическаго общества и помочь ему изслѣдовать наши обширныя пространства, историческія съ древнѣйшихъ временъ. Какая жалость беретъ, когда слышишь напр., что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ пастушки нашли то-то и то-то, долго игрались и потомъ забросили куда-то! Еще больнѣе становилось при слушаніи разсказовъ о томъ, какъ инженеры, строившіе желѣзныя дороги въ нашемъ краѣ иногда нарочно вели линію дороги на городище или курганъ, разрыли ихъ, нашли разныя вещи, иногда очень цѣнныя, и присвоили въ свою собственность! Но что пропало,—то пропало (говорятъ малороссы), —не будемъ завистливы: еще много историческихъ памятниковъ остается у насъ не расхищенныхъ, почти не тронутыхъ! Не будемъ также и равнодушны къ нашимъ древне-историческимъ богатствамъ, и подумаемъ, какъ бы собрать ихъ и наполнить ими нашъ музей древностей, зачатокъ котораго уже и существуетъ при Харьковскомъ университетѣ. Есть у насъ предположеніе устроить въ недалеломъ будущемъ выставку мѣстныхъ археологическихъ и палеонтологическихъ предметовъ, для озна-

комленія съ ними мѣстной публики и для возбужденія въ ней интереса къ этой сторонѣ изученія нашего края. Желательно, чтобы частные собственники древностей уступили ихъ намъ на время выставки, для приданія ей возможно большей полноты, или по крайней мѣрѣ, разнообразія".

Такіе широкіе планы и перспективы рисовались Ю. И. Морозову въ 1881 году; къ сожалѣнію имъ и доселѣ не удалось осуществиться и можно надѣяться, что ихъ дастъ наконецъ Харькову его будущій археологическій съѣздъ. Брошюра покойнаго Ю. И. Морозова столь интересна, что я считалъ бы не лишней ея перепечатку въ „Трудахъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета".

Статья Ю. И. Морозова.

„О городищахъ Харьковской губерніи".

(Изъ „Х. В." за 1891 г., №№ 43 и 45.)

Въ разныхъ мѣстахъ Россіи находятся земляныя сооруженія въ видѣ валовъ и рвовъ, извѣстныя подъ названіемъ городищъ и принадлежащія къ числу памятниковъ болѣе или менѣе отдаленной древности. Эти безмолвные свидѣтели нашей старины расположены въ большинствѣ случаевъ на возвышенныхъ берегахъ рѣкъ и чаще всего надъ обрывами, съ вершины которыхъ открывался обширный горизонтъ, дававшій возможность усматривать еще издали приближеніе непріятелей. Обрывистый берегъ рѣки составлялъ естественную защиту городища съ этой стороны; съ остальныхъ же сторонъ, примыкающихъ къ полю или къ равнинѣ, городища укрѣплены валами и рвами до такой степени, что доступъ непріятелей съ этихъ сторонъ былъ въ высшей степени затруднителенъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ городища расположены въ низменностяхъ, но при этомъ всегда въ такихъ мѣстахъ, которыя отовсюду окружены водою или болотами.

Какою-то таинственностію вѣетъ отъ этихъ огромныхъ земляныхъ насыпей, когда онѣ находятся на открытомъ пространствѣ; въ еще большую таинственность погружены онѣ, когда скрыты въ чащѣ густаго лѣса, разросшагося очевидно въ послѣдствіи,—и кто знаетъ, какое число лѣтъ прошло отъ опустѣнія городищъ до возникновенія на нихъ лѣсовъ?!

Слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, польскій ученый Адамъ Чарноцкій, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Ходаковскаго, —производившій по порученію министерства народнаго просвѣщенія изслѣдованіе славянскихъ древностей въ Россіи,—первый обратилъ вниманіе на громадное количество городищъ и высказалъ мнѣніе, что они были „святыми оградами, или приходскими мѣстами, гдѣ совершались свадьбы и другіе языческіе обряды". Къ этому мнѣнію присоединились гг. Погодинъ, Срезневскій и Котляревскій, но послѣдній съ доказательствами въ пользу того, что „городища служили и могильни-

ками для усопшихъ“. Г. Калайдовичъ пошелъ далѣе и утверждалъ, что „большую часть городищъ составляютъ огражденія городовъ, селеній и крѣпостей“. Защитниками этого втораго мнѣнія выступили гг. Грабовскій, Даниловичъ, Корсаковъ, Тышкевичъ, графъ А. С. Уваровъ и особенно варшавскій профессоръ Д. Я. Самоквасовъ, пытавшійся въ семидесятыхъ годахъ доказать, что городища—„древніе города Россіи“.

Г. Самоквасовъ объяснялъ, что названіе городище заключаетъ въ себѣ указаніе на мѣсто бывшаго нѣкогда города, подобно тому, какъ названія: дворище, селище, монастырище—заключаютъ въ себѣ указанія на бывшіе нѣкогда дворъ, село, монастырь. Извѣстно, что и теперь въ Малороссіи словами: пшеничище, просище, ленище и т п. называютъ поля, на которыхъ были собраны жатвы пшеницы, проса, льна и проч. А быть можетъ слово городище нужно понимать въ собирательномъ (collectivum) значеніи, подобно тому, какъ мы понимаемъ слова: кладбище, торжище, совище и проч.

Не имѣя въ виду ни историческаго, ни этимологическаго изслѣдованія городищъ, замѣтимъ только, что въ литературный споръ между вышеприведенными двумя мнѣніями вошло, на нашъ взглядъ, одно недоразумѣніе, которое вмѣстѣ съ недостаткомъ изслѣдованія въ топографическомъ и археологическомъ отношеніяхъ, составляетъ существенную причину не рѣшенія вопроса объ истинномъ значеніи городищъ. Это недоразумѣніе заключается въ томъ, что многіе смѣшиваютъ городища съ городками,—въ то время какъ слѣдовало бы различать ихъ между собою и, для этого, точнѣе установить понятія о городкахъ и о городищахъ. Въ „Книгѣ Большему Чертежу, поновленной въ Разрядѣ и списанной въ 1627 году“, между десятками приведенныхъ тамъ городищъ и городковъ, нѣкоторые названы въ разныхъ мѣстахъ то тѣмъ, то другимъ словомъ безразлично. Въ новыхъ изслѣдованіяхъ, напр. въ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“ арх. Филарета, или въ „Древнихъ городахъ Россіи“ г. Самоквасова, встрѣчается тоже смѣшеніе; даже г. Забѣлинъ въ своей “Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ,“ не дѣлаетъ различія между городищемъ, городкомъ и городцемъ.

По словамъ Ходаковскаго, городки состоятъ изъ небольшой площади пространствомъ въ $^1/_5$ или $^1/_4$ десятины, обнесенной валомъ, на которой едва можно помѣстить двѣ деревенскія хижины,—и относительно этихъ малыхъ городковъ Ходаковскій высказалъ мнѣніе, что они суть священныя ограды, требища, мольбища, капища, остатки языческихъ храмовъ.

Г. Самоквасовъ, осмотрѣвшій, какъ онъ свидѣтельствуетъ, до 150 городищъ, также опредѣлительно указываетъ на малую величину ихъ; онъ говоритъ: „Величина площадей городищъ, т. е. внутреннихъ частей ихъ безъ рвовъ и валовъ, въ большинствѣ случаевъ измѣняется отъ 300 до 500 арш. въ окружности; но встрѣчаются меньшія, до 200, и большія до 1000 арш. въ окружности. Величина важнѣйшихъ изъ пригородовъ псковскихъ, по описанію Н. И. Костомарова, измѣняется отъ 500 до 800 шаговъ въ окружности. Ту же величину имѣли древніе города Новгородъ—Сѣверскъ, Черниговъ и др. Если главнѣйшіе города и пригороды древней Россіи имѣли отъ 400 до 800 арш. въ окружности, то второстепенные могли имѣть 300 и того менѣе" (Истор. русск. права, 191—192).

Столь малые размѣры городищъ, опредѣляемые г. Самоквасовымъ и уступающіе очень многимъ нынѣшнимъ хуторамъ въ губерніяхъ Полтавской и Черниговской, по всей вѣроятности, относятся къ тѣмъ городкамъ, для которыхъ Ходаковскій далъ упомянутое объясненіе. Названіе городокъ и городище уже одними своими окончаніями на окъ и на ище указываютъ на существованіе противоположности между очень малымъ или очень большимъ. Въ Харьковской напр,. губерніи имѣется много и городовъ и городищъ, которые очень сильно различаются своими размѣрами, при чемъ окружность городковъ измѣряется десятками саженей, а окружность городищъ сотнями саженей, т. е. верстами. Но эти городища не были извѣстны профессору Самоквасову и въ этомъ, по нашему мнѣнію, заключается источникъ того недоразумѣнія, которое проходитъ чрезъ все изложеніе Самоквасова противъ Ходаковскаго.

Приведемъ нѣсколько данныхъ относительно нашихъ городищъ. Въ Валковскомъ уѣздѣ, въ округѣ Одринскаго прихода, близь хутора Кукулевскаго, находится городище, протяженіемъ отъ сѣвера къ югу 447 саж., а отъ востока къ западу 250 саж., слѣдовательно въ окружности болѣе 2 верстъ. Хорошево городище, въ 18 верстахъ отъ Харькова, имѣетъ около 3 верстъ въ окружности; Могрицкое городище въ Сумскомъ уѣздѣ занимаетъ болѣе 100 десятинъ земли, и проч. Большія городища въ сѣверо-западномъ углу такъ называемаго Полѣсья, въ Минской губерніи, расположенныя на островахъ среди болотъ, имѣютъ въ длину отъ 2 до 5, а въ ширину отъ 1½ до 4 верстъ; площади, охваченныя валами, простираются отъ 3 до 20 квадр. верстъ (Памят. книж. Мин. губ. 1878). Но между огромными городищами на первомъ планѣ, кажется, слѣдуетъ поставить Бѣльское городище въ

Зѣньковскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи, на правомъ берегу Ворсклы, вокругъ села Бѣльска, противъ ряда городищъ, расположенныхъ на лѣвомъ берегу, около села Котельвы въ Харьковской губерніи. Село Бѣльскъ занимаетъ центральную часть городища, имѣющаго около 30 вер. въ окружности,—овальной формы, отъ мѣстечка Куземена на сѣверѣ до с. Глинска на югѣ. На подробной военно-топографической картѣ 3-хъ-верстнаго маштаба оно изображено довольно отчетливо; огромный валъ и ровъ его часто скрыты въ большомъ лѣсу, который и защищаетъ ихъ отъ разрушенія. Въ договорѣ 1647 г. Россіи съ Польшею о пограничной линіи постановлено: „Бѣльское городище раздѣлить пополамъ" (арх. Филаретъ, Опис. Хар. епар. III, 95). А. Шафонскій, составившій въ 1786 году „Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества", лично обозрѣвалъ это замѣчательное городище и свидѣтельствовалъ, что „толщина вала на подошвѣ четыре, а вверху одна, а мѣстами и двѣ сажени. Вышина вала отъ верху до подошвы восемь, а мѣстами больше; а до дна рва—десять и больше саженей, и такъ отъ рва идутъ, что взойти на него не можно. Ровъ сухой, глубиною отъ гласиса двѣ, а шириною на двѣ и четыре сажени. На валу нѣтъ никакихъ бастіоновъ, а видно, что на немъ по угламъ и на срединѣ стояла каменная стѣна съ башнями, которыхъ кусочки извести и по нынѣ во многихъ мѣстахъ лежатъ.—Внутренняя крѣпости площадь—ровная, къ югу немножко скатистая. По одной площади видны небольшія насыпи, гдѣ или строеніе стояло, или мертвые погребены. —Она бѣльскими жителями пашется, которые и нынѣ находятъ маленькія отъ стрѣлъ желѣзныя копія. По той же площади и по валу видно много человѣческихъ костей, черепковъ и камушковъ", и проч. (Топ. Опис. Черн. нам., стр. 654).—Въ нынѣшнемъ столѣтіи, болѣе 30 лѣтъ тому назадъ, Н. Арендаренко описывалъ, что „внутри этого укрѣпленія, въ равныхъ размѣрахъ разстояній у вала, расположены обороны изъ земляныхъ же насыпей, крупной фигуры, со внѣшними, въ нѣсколько рядовъ, лунообразными насыпями; входъ въ укрѣпленіе защищенъ со внѣшней стороны тоже лунообразными насыпями. Недалеко отъ этого укрѣпленія есть насыпи, похожія на могилы на мѣстахъ сраженій. Въ этомъ укрѣпленіи недавно отысканы: стальная калчуга въ 20 ф. вѣсу и нѣсколько стрѣлъ" (Запис. о Полт. губ.) II 305). Другихъ указаній мы пока не нашли, но тѣмъ болѣе привлекаетъ насъ это громадное городище, которому нѣтъ подобнаго во всемъ нашемъ краѣ. Быть можетъ оно представляетъ что-либо особенное;—быть можетъ это былъ обширный укрѣпленный лагерь;—быть

можетъ въ немъ мы имѣемъ явленіе сходное съ упомянутыми городищами въ Полѣсьѣ?... Вопросы эти могутъ быть разрѣшены только тщательнымъ изслѣдованіемъ на мѣстѣ, такъ какъ по замѣчанію г. Забѣлина—стѣны (валы) древняго города принадлежатъ археологіи.

Вотъ о такихъ то большихъ городищахъ мы и сказали въ началѣ, что онѣ расположены преимущественно на возвышенныхъ, крупныхъ берегахъ рѣкъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ—въ низменностяхъ, среди рѣкъ и болотъ. Что-же касается до городковъ, то они чаще всего расположены въ степяхъ, вдали отъ рѣкъ, возлѣ степныхъ дорогъ, и кромѣ того отличаются отъ городищъ нерѣдко чрезвычайною сложностію расположенія составляющихъ ихъ валовъ,—то прямыхъ, то дугообразныхъ, то кольцеобразныхъ. На основаніи этого рѣзкаго различія какъ въ мѣстоположеніи, такъ и въ устройствѣ, мы отдѣляемъ городища отъ городковъ, и въ этомъ очеркѣ ограничиваемся только первыми изъ нихъ.

Нѣкоторыя изъ древнихъ городищъ съ теченіемъ времени опять были заняты человѣческими поселеніями и послѣднія удержали названіе, относившееся къ памятнику старины. Такъ въ Пензенской губерніи одинъ изъ уѣздныхъ городковъ называется Городищемъ,—по имени древняго городища, находившагося на вершинѣ крутаго холма, на берегу р. Юловы, и представляющаго и понынѣ остатки въ видѣ дугообразнаго вала со рвомъ, длиною до 350 саж. Подобнымъ же образомъ городищами продолжаютъ называться нѣсколько десятковъ селъ въ губерніяхъ: Владимірской, Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Курской, Минской, Московской, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Полтавской, Самарской, Симбирской, Харьковской и Черниговской (см. Географическо-статистическій словарь Росс. Имперіи, П. Семенова, Т. I.). Въ этомъ словарѣ, къ сожалѣнію не доведенномъ до конца въ статьѣ о селѣ Городищѣ Новгородской губ. и уѣзда, на берегу озера Ильменя, приведено существующее въ той мѣстности преданіе, согласно которому „тамъ былъ первый славянскій городъ въ странѣ, оставленный по неудобству своего положенія, и что въ отличіе отъ этого города, славяне назвали второй, основанный ими городъ —Новгородомъ“.

Кромѣ того, нѣкоторыя городища, имѣвшія издавна особыя названія, передали ихъ возникшимъ въ послѣдствіи городамъ, какъ напр. Ельнинское въ Смоленской губерніи, Зміево въ Харьковской, Медынское въ Калужской, Наровчатое въ Пензенской, Хотмыжское въ Курской,—и проч.

Но не всегда при новомъ заселеніи древняго городища названіе его упрочивалось за новымъ поселкомъ; такъ напр. въ Валковскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ Хмѣлева городища, возникло село Высокополье; въ Сумскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ Вирскаго городища — Бѣлополье, и проч.; а Торское городище въ Изюмскомъ уѣздѣ переименовано было сперва въ Соляный городокъ, по находящимся возлѣ него солянымъ озерамъ, а потомъ въ Славянскъ. Любопытно, что въ книгѣ „Большему Чертежу" названы еще: а) городище Торки (Тарки) на пространствѣ между горами и Хвалынскимъ моремъ, въ 80 верстахъ отъ Дербента и 20 верстахъ отъ р. Каисы (Койсу); и б) Торковая поляна на р. Соснѣ, въ Орловской губерніи. Очевидно, это мѣста жительства Торковъ, появившихся въ нашемъ краѣ вмѣстѣ съ Половцами въ XI вѣкѣ.

Кромѣ заселенныхъ въ послѣдствіи древнихъ городищъ, весьма большое число ихъ осталось незаселенными, въ видѣ памятниковъ глубокой старины, чтобы дать возможность археологамъ и историкамъ изслѣдовать эти памятники и разсказать намъ исторію тѣхъ древнихъ обитателей, которые строили вокругъ своихъ поселеній огромныя земляныя насыпи, раздѣленныя глубокими рвами.

Въ Харьковской губерніи арх. Филаретъ, въ его „Истор. Стат Опис. Хар. епар." описалъ съ нѣкоторыми подробностями болѣе 40 городищъ, расположенныхъ во всѣхъ 11 уѣздахъ, а именно: въ Харьковскомъ—городища Донецкое, Павлово и Хорошево; въ Ахтырскомъ—Кукуево, Литовское, Немѣровское и Скальское; въ Богодуховскомъ—Солдатское и Торчиново; въ Валковскомъ—Коломацкое, Кукулевское, Хазарское и Хмѣлево; въ Волчанскомъ—Колковское и Салтовское (Салтаковское); въ Зміевскомъ—Гумниньа, Зміево, Кабанье, Каменное (или Снетчино), Мохначево и Чугуево; въ Изюмскомъ—Камышевахное и Торское; въ Купянскомъ—Колодезное и Радьковское; въ Лебединскомъ—Азацкое, Ворожбянское, Каменское, Кокуево, Михайловское, Недригайловское, Ольшанское и Терновское (прежде Дехановское, или Лехановское,—быть можетъ на мѣстѣ лѣтописнаго города Вбѣханя); въ Старобѣльскомъ—Городище и Осиновское, и въ Сумскомъ—Вирское, Липецкое, Могрицкое и Юнаковское. Извиняясь за длинноту этого списка, замѣтимъ, что онъ еще не полонъ,—по крайней мѣрѣ намъ пришлось осматривать не попавшее въ списокъ арх. Филарета Городище возлѣ села Мѣловой, въ Зміевскомъ уѣздѣ, расположенное на высокомъ обрывистомъ берегу Донца, среди большого и густого лѣса, называемаго Пристѣномъ, Пристѣнкомъ. Такое-же наименованіе прикладывается и къ Городищу, которое кромѣ того называется въ народѣ Сиверскимъ

т. е. Сѣверскимъ,— можетъ быть потому, что тамъ нѣкогда жили Сѣверяне и строили это укрѣпленіе. Священникъ настоятель церкви въ с. Мѣловой указалъ намъ на то, что это должно быть то самое Городище, относительно котораго арх. Филаретъ въ своей статьѣ о Чугуевѣ замѣтилъ въ выноскѣ (Опис. хар. епар. IV, 7): „въ сент. 1596 г. кн. Андрей Волконскій посланъ на Сѣверское Городище Бѣлгородъ строити". На вопросъ нашъ: „гдѣ же былъ этотъ построенный кн. Волконскимъ Бѣлгородъ?", упомянутый почтенный пастырь отвѣчалъ указаніемъ на другіе остатки укрѣпленій ближе къ Мѣловой, на южной сторонѣ слободы: укрѣпленіе это обозначено и на подробной военнотопографической картѣ 3-хъ верстнаго масштаба; на той-же картѣ, выше с. Мѣловой, считая по Донцу, обозначенъ яръ Сивирской, вблизи указаннаго Городища, которое однако-же не вычерчено. Къ сожалѣнію, на этой картѣ не вычерчены многія Городища, что впрочемъ обусловлено масштабомъ.

Кромѣ Сѣверскаго городища мы получили еще свѣдѣнія о нѣсколькихъ другихъ. Но, перечисляя городища въ Харьковской губерніи, не слѣдуетъ упускать изъ виду того обстоятельства, что, при заселеніи нашихъ мѣстъ въ XVII столѣтіи, условія этихъ мѣстъ были таковы, что нужно было заботиться объ укрѣпленіи возникавшихъ поселеній, что, благодаря рыскавшимъ здѣсь татарамъ, все населеніе принимало характеръ военнаго устройства,—здѣсь, какъ извѣстно, образовались черкаскіе казачьи полки. Въ силу этого военнаго устройства, поселеніе, въ которомъ имѣлъ пребываніе полковникъ и другіе высшіе начальники, называлось полковымъ городомъ и было укрѣплено значительнѣе другихъ городовъ—сотенныхъ, гдѣ сосредоточивалось управленіе полковою сотнею (Списки населен. мѣстъ Хар. губ., XXXVIII). Въ слѣдствіе этого, на имѣющихся у насъ планахъ уѣздныхъ городовъ Харьковскаго намѣстничества 1787 года мы видимъ и внутреннія цитадели, и наружныя земляныя укрѣпленія. Эти укрѣпленія, сдѣланныя уже въ историческое время, слѣдуетъ исключить изъ тѣхъ, которыя принадлежатъ эпохѣ гораздо болѣе отдаленной, оставившей намъ свои городища.

Въ губерніяхъ, смежныхъ съ Харьковскою, городищъ отнюдь не меньше; такъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ статистическими комитетами по ходатайству профессора Самоквасова, въ Черниговской губерніи существуетъ 150 городищъ, въ Курской 61, въ Тульской 50, и проч. Д. Я. Самоквасовъ обращался къ начальникамъ 8 губерній и секретарямъ статистическихъ комитетовъ съ просьбою собрать свѣдѣнія о мѣстонахожденіи городищъ въ ихъ губерніяхъ, посредствомъ циркулярнаго

запроса къ волостямъ слѣдующаго содержанія: „Губернскій статистическій комитетъ предлагаетъ всѣмъ волостнымъ правленіямъ доставить непремѣнно къ (такому-то) числу будущаго (такого-то) мѣсяца свѣдѣнія: имѣются-ли въ волости древнія земляныя насыпи, или валы, или окопы, или батареи, которыя носятъ въ народѣ названія городковъ или городищъ, а если таковыя имѣются, то гдѣ именно, т. е. у какихъ городовъ, селъ, деревень, хуторовъ, рѣкъ, озеръ и другихъ урочищъ, въ какомъ направленіи и въ какомъ разстояніи отъ послѣднихъ“. Вслѣдствіе такой постановки вопроса, въ опубликованномъ курскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ „указателѣ городищъ, кургановъ и другихъ древнихъ земляныхъ насыпей“, все перемѣшано до такой степени, что напр. городищемъ близь села Криничнаго при впаденіи рѣчки Криничной въ Рыбицу, въ Судженскомъ уѣздѣ названы три распаханныя круглыя могилы, носящія названіе *„знаки разбойничьяго атамана“*. (Труды Кур. губ. стат. ком., IV, 1874, 174). Въ этомъ „указателѣ“ показаны только 7 городковъ, безъ какихъ-бы то ни было подробностей, которыя-то именно и важны съ точки зрѣнія еще нерѣшеннаго о нихъ вопроса.

И городища, и городки—всѣ давно ожидаютъ и подробнаго нанесенія на карту, и тщательнаго описанія ихъ, и, наконецъ, изслѣдованія ихъ внутренняго содержанія, необходимаго, во 1-хъ, для рѣшенія вопроса о томъ, съ какою цѣлью они были устраиваемы древними обитателями Россіи, а во 2-хъ, для разъясненія исторіи этихъ обитателей. Но для осуществленія этой задачи нужно много силъ, много времени и много матеріальныхъ средствъ. Была надежда, что возникшая въ Харьковѣ среди многочисленнаго кружка лицъ мысль объ открытіи здѣсь Харьковскаго Отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества придетъ въ недалекомъ будущемъ къ счастливому разрѣшенію,—и тогда явятся и изслѣдователи, и средства. Но стеченіе неожиданныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, два раза отодвинуло назадъ осуществленіе нашей надежды: разъ, по случаю назначенія графа Лорисъ-Меликова главнымъ начальникомъ Верховной Распорядительной Коммиссіи, отвезенное имъ ходатайство упомянутаго кружка лицъ было возращено изъ С.-Петербурга въ Харьковъ на заключеніе новаго харьковскаго генералъ-губернатора; а въ другой разъ Князь Дондуковъ-Корсаковъ, предвидя свое перемѣщеніе изъ Харькова, не далъ движенія ходатайству, чтобы оно вторично не было поворочено на заключеніе новаго генералъ-губернатора. А между тѣмъ со времени возникновенія мысли о харьковскомъ отдѣленіи географическаго общества

прошло болѣе 2 лѣтъ, многія лица выбыли и приходится набирать новый контингентъ, для возобновленія дѣла въ третій разъ. Поэтому, не желая разставаться съ мыслію о крайней необходимости изслѣдованія городищъ въ нашемъ краѣ, мы, по прочтеніи этого очерка въ собраніи историко-филологическаго общества при Харьковскомъ Университетѣ, позволяемъ себѣ теперь обратиться къ болѣе широкому кругу читателей, приглашая любителей нашей давней старины принять и съ ихъ стороны посильное участіе въ затѣянномъ нами изслѣдованіи городищъ и городковъ въ нашемъ краѣ.

При этомъ мы предлагаемъ общественному вниманію результаты нашихъ первыхъ изслѣдованій, произведенныхъ въ харьковской губ.

Самымъ замѣчательнымъ городищемъ у насъ арх. Филаретъ называлъ то, которое находится въ Валковскомъ уѣздѣ, въ округѣ Одринскаго прихода, вблизи хутора Кукулевскаго, и размѣры котораго приведены въ предыдущемъ. Это городище было описано еще Вадимомъ Пассекомъ, въ 1839 году, слѣдующими словами: „Въ окружности оно, приблизительно, не менѣе трехъ верстъ: валы высокіе, мѣстами тройные, главная боевая сторона обращена на югъ и востокъ. Видъ—неправильный многоугольникъ. Огромные дубы по 7 или 8 аршинъ въ обхватѣ, растутъ по вершинѣ вала, и выключаютъ слободскихъ казаковъ отъ права на основаніе городища. Мѣдные оконечники стрѣлъ также указываютъ на его древность." (Русскій Историч. Сборн. изд. Моск. Общ. Истор. и Древн. Рос. III, 212). Въ описаніи арх. Филарета, напечатанномъ въ 1857 г., между прочимъ, сказано: „Глубокая древность укрѣпленія слишкомъ очевидна. По валамъ его выросли огромные дубы; иные изъ нихъ уже срублены и на пняхъ свободно можетъ лежать человѣкъ высокаго роста, не занимая впрочемъ всей длины поперечника пня. Сколькимъ же годамъ, или вѣрнѣе - вѣкамъ надлежало пройти прежде, чѣмъ начали рости и могли вырость такіе дубы?—Близость этого городища къ городищу Хозарскому и его древность наводятъ на ту мысль, что построеніе его принадлежитъ Хозарамъ" (Опис. Харьк. епар., II, 296), которые, замѣтимъ, уже въ VII и VIII вѣкахъ покорили племена, жившія по берегамъ Днѣпра и Оки. Любопытно, что городище это не упомянуто въ „Книгѣ Большому Чертежу", быть можетъ, заросшее огромнымъ лѣсомъ, оно не было извѣстно составителю „древней карты россійскаго государства".

Заинтересованные приведенными подробностями объ этомъ Хазарскомъ городищѣ, мы направили наши изслѣдованія на городища, ближайшія къ Харькову.

Хорошево городище привлекаетъ вниманіе и своими огромными размѣрами, и цѣлымъ рядомъ легендъ, сохраняющихся въ народѣ о тѣхъ сокровищахъ, которыя будто-бы тамъ зарыты. Разсказываютъ, напр., что какой-то ханъ зарылъ въ этомъ городищѣ рукавички и шапку, сдѣлавъ надъ ними заклинаніе такого рода, что съумѣющій найти эти вещи получитъ возможность не только обладанія зарытыми тамъ же сокровищами, но и властвованія надъ всѣмъ этимъ краемъ. Другіе разсказываютъ, что въ Хорошевомъ городищѣ существуетъ 5 тщательно сокрытыхъ подземелій, изъ которыхъ въ одномъ сложены золотыя деньги, въ другомъ—серебряныя, въ третьемъ—посуда, въ четвертомъ—оружіе и въ пятомъ—порохъ; при этомъ добавляютъ, что все это оставлено татарами, прежде здѣсь жившими, передъ уходомъ ихъ въ Крымъ,—въ виду сплотившейся силы русскаго населенія и грозности его вооруженія.

Хорошево городище имѣетъ, какъ сказано выше, около 3 верстъ въ окружности и представляется въ видѣ четыреугольника, составленного двумя рядами валовъ, раздѣленныхъ между собою широкимъ и глубокимъ рвомъ. На сѣверо-западномъ углѣ четыреугольника имѣется небольшой придатокъ, пространствомъ около 4 десятинъ, занятый Хорошевскимъ женскимъ монастыремъ. Благодаря издавна пріютившемуся здѣсь монастырю, эта часть городища сглажена болѣе прочихъ и въ настоящее время замѣтны только слабые слѣды существовавшихъ прежде валовъ.

Сѣверная сторона описываемаго четыреугольника расположена по краю крутого излома возвышеннаго праваго берега рѣки Удъ, въ долину ея; остальныя три стороны расположены частію у краевъ глубокихъ овраговъ, а частію по крутымъ склонамъ площади городища къ окружающимъ его ярамъ. Въ иныхъ мѣстахъ овраги, постепенно увеличиваясь, уже давно уничтожили бывшіе здѣсь части валовъ; въ другихъ мѣстахъ въ валахъ сдѣланы проѣзжія дороги, а въ третьихъ—временные потоки дождевой и снѣговой воды образовали естественные разрѣзы валовъ, позволяющіе видѣть весь тотъ матеріалъ, изъ котораго они были сдѣланы. Эти естественные разрѣзы составляютъ значительное облегченіе для изслѣдователя.

Вся площадь городища занята селеніемъ Хорошевымъ, которое на восточной сторонѣ городища перешло далеко за валы, и такимъ образомъ, на этой сторонѣ, на валахъ, расположились избы, сарайчики, погреба, сады, огороды и даже семейныя кладбища, — тутъ же, среди села, по давнему обычаю погребать покойниковъ „въ садочкахъ", по которымъ они ходили при жизни... Когда полтора года тому назадъ мы

съ двумя студентами предприняли съемку городища на планъ, то намъ пришлось десятки разъ перелѣзать черезъ плетни и проходить по садочкамъ и огородамъ. При этомъ мы встрѣчали всегда искреннюю готовность собственниковъ-поселянъ подѣлиться съ нами подробными разсказами о всемъ томъ, что имъ извѣстно о городищѣ. Только благодаря такому отношенію жителей села Хорошева, возможно было составить *подробный планъ* городища.

Осмотры естественныхъ разрѣзовъ двухъ валовъ, окружающихъ Хорошево городище, показали, что нерѣдко подъ этими валами лежатъ довольно большіе слои обугленныхъ въ большей или меньшей степени дубовыхъ бревенъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. при устройствѣ погребовъ на валу, наталкивались на значительныя количества дубоваго угля, которымъ и пользовались бѣдныя монахини для разогрѣванія самоваровъ. Полуобугленныя дубовыя бревна, сильно перегнившія, можно и теперь найти во многихъ частяхъ валовъ, и эти бревна даютъ поводъ думать, что быть можетъ первоначальное поселеніе, находившееся въ этой мѣстности, было обнесено высокимъ *острогомъ* изъ толстыхъ бревенъ, — подобно тому, какъ, напр. и городъ Харьковъ имѣлъ, по описи 1662 года, „дубовый острогъ съ обломами, и съ полостями и съ запасными таранами“ (Филаретъ, Опис. Харьк. епар., II, 6—7). Гораздо ранѣе этого, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, въ разсказѣ о походѣ Кія къ Царюграду, видимъ такой-же обычай: „идущю-же ему, приде къ Дунаеви, и възлюбы мѣсто, и сруби городокъ малъ, и хотяше сѣсти съ родомъ своимъ“ (Ипат. спис. 6). Да и въ разсказѣ Геродота о Будинахъ, которые. повидимому, жили въ странѣ, занимаемой теперь губерніями Пензенскою и смежными, говорится, что у нихъ былъ „единственный, совершенно деревянный городъ, окруженный вывысокими деревянными стѣнами, каждая сторона которыхъ простиралась на 30 стадій (5 верстъ); дома и храмы ихъ также были деревянные“. Дарій Гистаспъ сжегъ этотъ городъ (Голонъ) и соорудилъ 8 большихъ крѣпостей, развалины которыхъ оставались еще въ мое время, говорилъ Геродотъ, за 450 лѣтъ до Р. Х. (Геродотъ, Исторія, кн. IV, ст. 108, 123, 124). Покойный С. М. Соловьевъ, авторъ „Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ“, назвалъ Россію страною *деревянныхъ городовъ* по сравненію съ западно-европейскими странами, отличающимися *каменными* городами (см. Т. 13).

Еще недавно около Хорошева существовали огромные лѣса (въ томъ числѣ и Бабаевскій) изъ многовѣковыхъ дубовъ, срубленныхъ и уничтоженныхъ на нашихъ глазахъ; значитъ, лѣсной матеріалъ нахо-

дился въ достаточномъ количествѣ для обнесенія *острогомъ* столь большого укрѣпленія, какъ Хорошево городище. Конечно, были въ городищѣ и жилыя постройки, частію изъ дерева, а частію изъ глины, камыша и соломы, какъ это водится и теперь. Но однажды случившійся пожаръ уничтожилъ, быть можетъ, все городище. Между тѣмъ пунктъ былъ очень важенъ, — и по разнымъ угодьямъ и въ стратегическомъ отношеніи, — и потому, для возобновленія, всего скорѣе и всего легче было устроить валы, для сооруженія которыхъ имѣлось много матеріала на обширномъ пожарищѣ. Мы много разъ находили въ разрѣзахъ валовъ этого городища (да и въ другихъ также) куски спекшейся глины, сохранившіе отпечатки хвороста и камыша, еще и нынѣ употребляемыхъ для устройства жилищъ и разныхъ сарайчиковъ. Кромѣ того, въ разрѣзахъ валовъ встрѣчаются иногда прослойки щебня, обыкновенно въ видѣ мелкихъ кусковъ. Въ какія постройки входилъ кирпичъ, давшій этотъ щебень,—неизвѣстно! Видно только, что мы имѣли дѣло съ сильно нажитымъ мѣстомъ очень древняго времени, какъ въ этомъ убѣждаютъ слѣдующія обстоятельства.

Повсюду, гдѣ бы вы ни начали копаться въ валахъ Хорошева городища, вамъ попадаются во множествѣ черепки самой грубой глиняной посуды, приготовленной руками безъ помощи станка и снабженной первобытными, очень грубыми узорами, которые въ мягкой еще массѣ глины были выдавлены ногтемъ или заостренною палочкою. Черепки эти перемѣшаны съ осколками костей и зубами бычачьими, бараньими и даже медвѣжьими,—и поражаютъ своимъ множествомъ во всѣхъ видѣнныхъ нами городищахъ. Въ Хорошевомъ городищѣ мы нашли двѣ штуки каменнаго метательнаго (помощію пращи) орудія, изъ которыхъ одно приготовлено изъ краснаго, очень твердаго песчанника; а такъ какъ мѣсторожденія этого песчанника нѣтъ на сотни верстъ въ окружности Харькова, то слѣдовательно найденное нами метательное орудіе было принесено сюда издалека. Но кѣмъ? и когда?... Любопытно для насъ было сходство этого метательнаго орудія съ тѣмъ, рисунокъ котораго помѣщенъ въ описаніи раскопки кургана Перепетихи, въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи. Этотъ очень древній курганъ, раскопанный въ 1845 году, упоминался какъ межевой знакъ въ грамотѣ великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго, 1159 года, въ которой описывалась межа принадлежавшихъ къ г. Василькову земель, пожалованныхъ Кіевопечерской лаврѣ. При раскопкѣ кургана Перепетихи найдено много интересныхъ предметовъ, а между ними и совершенно такое-же по формѣ и величинѣ метательное орудіе, какое удалось намъ

найти вблизи Харькова, въ Хорошевомъ городищѣ. Нашли мы еще одну бусинку каменнаго мониста, совершенно похожаго на тѣ, которыхъ цѣлыя нитки мы видѣли въ разныхъ коллекціяхъ россійскихъ древностей. Если къ этимъ остаткамъ глубокой старины прибавить еще найденный нами тамъ-же на валу Хорошева городища полусгнившій пень огромнаго дуба,—по крайней мѣрѣ ровесника пнямъ на Куколевскомъ городищѣ, и конечно посаженнаго на валу не вскорѣ послѣ сооруженія его, — то время сооруженія городища отодвигается чуть не до эпохи великаго переселенія народовъ! Когда мы, подъ наплывомъ мыслей объ этой почтенной древности, обнажили свою голову передъ остатками огромнаго дуба, то сопровождавшій насъ старикъ-хозяинъ участка сказалъ: „а и правда, що треба поклонытьcя такому дубови!... тай дубъ же бувъ велыкій! — усимъ дубамъ дубъ! — може знаете, якый бувъ Бабайівскый лисъ,—такъ и тамъ не було ёму ривни!"

На основаніи всего вышесказаннаго, для насъ не существуетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ справедливости заключенія арх. Филарета, что Хорошево городище — памятникъ до-татарской древности (Опис. Харьк. епар., II. 27).

Осматривая это городище и копаясь въ его валахъ и естественныхъ разрѣзахъ, мы распрашивали хорошевцевъ: „гдѣ, по ихъ мнѣнію, нѣкогда жившіе здѣсь люди хоронили своихъ покойниковъ? и не были ли гдѣ-либо находимы человѣческія кости?" — Намъ отвѣчали, что кости попадались нерѣдко и при этомъ разсказывали преданіе, согласно которому „здѣсь когда то жили люди—великаны, которыхъ смѣнили маленькіе люди (карлики?), а за тѣмъ уже настало время, когда начали жить такіе-же люди, какъ и мы грѣшные". Встрѣтившись такимъ образомъ съ легендою, вмѣсто какихъ либо руководящихъ указаній, намъ осталось только обратиться къ тщательному осмотру окрестностей.

На южной сторонѣ Хорошева городища, среди кустарниковъ (на мѣстѣ уничтоженнаго лѣса), разбросано нѣсколько небольшихъ кургановъ,— и здѣсь-же, не подалеку, вдоль дороги на сс. Соколовъ и Мерефу, тянется болѣе чѣмъ на версту валъ, часто уже уничтоженный дорогою, и восходящій на Красную гору, которая господствуетъ надъ Хорошевскою. Спрашивается теперь: могильные-ли эти курганы? и не входилъ-ли этотъ валъ въ составъ городища?—Эти вопросы могутъ быть разрѣшены только при помощи большихъ раскопокъ, для осуществленія которыхъ единоличныхъ нашихъ силъ и средствъ было слишкомъ недостаточно! А между тѣмъ намъ было извѣстно, что, напр., село Городище, Владимирской губерніи Переяславскаго уѣзда, окружено со всѣхъ

сторонъ древними языческими курганами, въ которыхъ при раскапываніи находили человѣческія кости и разныя металлическія вещи. Въ нашемъ же краѣ арх. Филаретъ, описывая Ворожбянское городище, говорилъ, что „на срединѣ плоскости городища, тамъ и здѣсь, разбросаны насыпи"; или: „площадь Могрицкаго городища покрыта значительнымъ числомъ могилокъ; въ одной изъ нихъ, при разрытіи, найдены человѣческія кости; крестьяне, при раскапываніи земли городища, отъискивали копья и другія военныя орудія, равно и черепа и другія части человѣческаго остова". Но еще интереснѣе слѣдующее свидѣтельство арх. Филарета о Солдатскомъ городищѣ въ Богодуховскомъ уѣздѣ: „поле, примыкающее къ городищу, по дорогѣ изъ села Солдатскаго къ Нецаху, усѣяно костями человѣческими, угольями и черепками",— совершенно подобно тому, какъ и на Бѣльскомъ городищѣ въ Полтавской губерніи. О городищѣ Старобѣльскаго уѣзда намъ разсказывали, что и тамъ также находили массу разныхъ костей, въ томъ числѣ и человѣческихъ, — и множество разныхъ предметовъ, разошедшихся по рукамъ.

Мы имѣемъ древнюю грузинскую монету, найденную въ городищѣ близъ села Борового, въ Зміевскомъ уѣздѣ, надъ рѣкою Удами. По описанію арх. Филарета, въ Чугуевскомъ городищѣ, надъ Донцомъ найдена римская монета временъ кесаря Августа. Изъ Судженскаго уѣзда Курской губерніи намъ переданы двѣ арабскія монеты, и проч. Но все это—только случайныя находки. Многія городища уже съ давняго времени распахиваются подъ хлѣбныя нивы и—сколько при этомъ обнаруживается разныхъ предметовъ, которые расходятся по рукамъ и безвозвратно погибаютъ для исторіи нашего края! Сколько археологическихъ предметовъ свалилось еще въ рѣки, подмывающія обрывистые берега, на которыхъ расположены городища!

Въ 6 верстахъ отъ Харькова, между селами Филипповымъ и Карачевкою, находится Донецкое городище, — повидимому остатокъ того лѣтописнаго города Донца, въ который прибѣжалъ изъ плѣна половецкаго Игорь князь Сѣверскій, въ 1186 году. Городище это расположено у самаго берега р. Удъ, дѣлающей здѣсь поворотъ изъ южнаго направленія въ юго-восточное. Подъ вліяніемъ весеннихъ разливовъ, городище постоянно обрушивается, уменьшается и съ теченіемъ времени совершенно поглотится рѣкою, если только послѣдняя не прекратитъ нынѣшняго постояннаго нападенія ея на правый берегъ въ этомъ мѣстѣ. Въ 1877 году, во время очень высокой весенней воды въ рѣкѣ Удахъ, произошли особенно большіе обвалы въ Донецкомъ городищѣ, при чемъ,

по словамъ очевидцевъ, обнажилось нѣсколько человѣческихъ остововъ, которые потомъ неудалось розыскать. Жители Филипова села разсказывали намъ еще, что тогда же найденъ былъ подъ обрывомъ кувшинъ съ какими-то монетами, также исчезнувшими безвозвратно. Вадимъ Пассекъ, рывшійся въ этомъ городищѣ, нашелъ много черепковъ, костей, кусочекъ листовой красной мѣди и какое-то украшеніе, сдѣланное изъ глины, съ двумя пронизками. Составленный В. Пассековъ рисунокъ Донецкаго городища несоотвѣтствуетъ дѣйствительности, какъ замѣтилъ еще арх. Филаретъ, и какъ мы имѣли случай убѣдиться при помощи инструментальной съемки, для составленія плана. Вѣроятно, г. Пассекъ изобразилъ городище по памяти, — иначе трудно объяснить указанное несходство.

Въ виду постепеннаго разрушенія нашихъ городищъ отъ дѣйствія рѣкъ, дождевой воды и распахиванія подъ хлѣбные посѣвы, при чемъ обнаруживающіеся археологическіе предметы исчезаютъ для исторіи нашего края, намъ слѣдовало бы принять какія либо мѣры для изслѣдованія по крайней мѣрѣ того, что еще сохранилось въ земляныхъ насыпяхъ. Неужели мы будемъ настолько равнодушны къ памятникамъ нашей глубокой старины, что, не занимаясь сами изслѣдованіемъ этихъ памятниковъ, предоставимъ с.-петербургскимъ и московскимъ археологамъ разрыть наши городища и свезти сдѣланныя въ нихъ находки въ столичные музеи! Вѣдь уже не разъ были примѣры отысканія важныхъ археологическихъ предметовъ въ нашемъ краѣ, которому давно пора обзавестись и своими археологами, и своимъ музеемъ мѣстныхъ древностей. Пусть централизируютъ что другое, но наши древности должны принадлежать намъ, а не кому другому, и находиться въ нашемъ музеѣ, для котораго мы лично собрали небольшой вкладъ изъ предметовъ, отчасти здѣсь упомянутыхъ. Другіе предметы переданы намъ профессорами П. Ф. Леваковскимъ и И. П. Щелковымъ. Нужно содѣйствіе и сочувствіе многихъ, которыхъ мы и желали бы вызвать этимъ очеркомъ, имѣя уже вещественныя доказательства въ пользу того, что насъ не постигнетъ участь „гласа вопіющаго въ пустынѣ". Пора подумать намъ о составленіи Харьковскаго археологическаго общества и помочь ему изслѣдовать наши обширныя пространства, *историческія* съ древнѣйшихъ временъ. Какая жалость беретъ, когда слышишь, напр., что вотъ въ такомъ-то мѣстѣ пастушки нашли то-то и то-то, долго игрались и потомъ забросили куда-то! Еще больнѣе становилось при слушаніи разсказовъ о томъ, какъ инженеры, строившіе желѣзныя дороги въ нашемъ краѣ, нарочно вели линію дороги на городище или

курганъ, разрыли ихъ, нашли разныя вещи, иногда очень цѣнныя, и присвоили въ свою собственность! Такъ, напр., при устройствѣ Харьково-Азовской желѣзной дороги, въ 30 верстахъ отъ Таганрога, въ долинѣ Мокрый Чулекъ, были найдены возлѣ человѣческаго скелета: массивная золотая шейная цѣпь съ тремя большими, серцевидными золотыми привѣсками, золотые браслеты (на одномъ изъ нихъ надпись какая-то особеннымъ шрифтомъ), четыре большихъ перстня и проч. (Труды III археол. съѣзда, въ Кіевѣ, сообщеніе проф. Н. Д. Борисяка). Но что пропало, то пропало (говорятъ малороссы), — не будемъ завистливы: еще много историческихъ памятниковъ остается у насъ не расхищенныхъ, почти не тронутыхъ! Не будемъ также и равнодушны къ нашимъ древне-историческимъ богатствамъ, и подумаемъ, какъ бы собрать ихъ и наполнить ими нашъ музей древностей, зачатокъ котораго уже и существуетъ при Харьковскомъ университетѣ. Есть у насъ предположеніе устроить въ недалекомъ будущемъ выставку мѣстныхъ археологическихъ и палеонтологическихъ предметовъ, для ознакомленія съ ними мѣстной публики и для возбужденія въ ней интереса къ этой сторонѣ изученія нашего края. Желательно, чтобы частные собственники древностей уступили ихъ намъ на время выставки, для приданія ей возможно большей полноты, или, по крайней мѣрѣ, разнообразія.

Ю. Морозовъ.

Отдѣльн. отт. изъ „Запис. Имп. Харьк. Унив.“ за 1901 г.

Типографія и Литографія М. Зильбербергъ и С-вья. Харьковъ, Рыбная—30.

